

- Маруашвили* 1981 – *Маруашвили Л.* Физическая география Кавказа. Ч. 2. Тбилиси, 1981 (на груз. яз.).
- Начкебия* 1972 – *Начкебия Н.* Иран: экономико-географический очерк. Тбилиси, 1972 (на груз. яз.).
- Ismailov, Zia Qengerli* 2003 – *Ismailov E., Zia Qengerli.* The Caucasus in the Globalizing World. A New Integration Model // *Central Azia and Caucasus.* 2003. № 2. P. 135–144.

## **R.A. Topchishvili. What Territory Does the Caucasus Encompass?**

*Keywords:* Caucasus, Georgia, Armenia, Azerbaijan

The boundaries of the Caucasus used to be, as they still are today, defined according to a number of different criteria. It is known that the southern border of the Caucasus was taken to coincide politically with that of the Soviet state. In the author's view, the Caucasus region encompasses a wider area. He examines a new perspective on the structuring of the Caucasus that has been offered by Ismailov and Papava. Instead of the North Caucasus and *Zakavkaz'ie* region, they mark out the North, Central, and South Caucasus regions. In their scheme, the Central Caucasus takes place of the former *Zakavkaz'ie*, whereas the adjacent parts of Turkey and Iran are spoken of as the South Caucasus. While agreeing generally with the latter argument, the author still argues against the threefold structure concept and suggests the idea of the integrity of the South Caucasus that would embrace Georgia, Armenia, and Azerbaijan as well as parts of Turkey's and Iran's territories.

ЭО, 2013 г., № 5

© А.Н. Ямсков

### **О КАВКАЗЕ И ЕГО ГРАНИЦАХ**

*Ключевые слова:* Кавказ, пространственные границы, кавказские народы, территориальная идентичность, историко-этнографическая область, физико-географическая страна, геополитический регион, историко-географический регион, культурно-географический регион

Автор последовательно рассматривает существующие в литературе различные трактовки Кавказа как историко-этнографической области, нескольких соседних физико-географических областей и их частей (причём относящихся к разным природным странам), геополитического региона, историко-географического (или культурно-географического) региона, и соответствующие принципиально разные основания для определения его пространственных границ. Наиболее распространено историко-географическое понимание Кавказа и его границ, берущее свое начало в эпоху формирования территории Российской империи и закрепившееся в общественном сознании в советский и постсоветский периоды. Такое представление о Кавказе и его границах сформировало кавказскую территориальную идентичность у той части армян и азербайджанцев, которые проживают в пределах государств Закавказья (Южного Кавказа).

**Анатолий Николаевич Ямсков** – к.и.н., ведущий научный сотрудник сектора этноэкологии Института этнологии и антропологии РАН и, по совместительству, доцент кафедры физической географии и геоэкологии Института естественных наук Московского городского педагогического университета: [yamskov@iea.ras.ru](mailto:yamskov@iea.ras.ru)

Работа Р. Топчишвили, инициировавшего данную дискуссию, посвящена действительно актуальной проблеме – определению пространственных границ Кавказа с учетом новых геополитических реалий. Этот разговор еще далек от завершения, и предлагаемая подборка публикаций, конечно же, тоже его не закончит, но, будем надеяться, внесет некие новые аргументы в дискуссию.

Прежде всего нельзя не согласиться с автором в главном: границы Кавказа не могут, как это часто бывает, определяться частично по физико-географическим, частично по геополитическим критериям, ибо такой подход явно нарушает базовое правило районирования, то есть требование однородности критериев выделения района. Также совершенно оправдан и еще один принципиальный вывод Р. Топчишвили – южные границы Кавказа совсем не обязательно должны совпадать с государственными рубежами, унаследованными от СССР или Российской империи.

Начатый Р. Топчишвили разговор о границах Кавказа мне кажется целесообразным продолжить следующим образом: во-первых, отметить несколько, на мой взгляд, досадных фактических ошибок, допущенных этим автором; во-вторых, кратко обозначить основные существующие трактовки того, что представляет собой Кавказ (то есть историко-этнографическое, физико-географическое, политико-географическое, культурно- или историко-географическое представления об этом регионе) и как при различных пониманиях данного феномена меняются определения и локализации его территориальных границ; в-третьих, попытаться показать, что оптимальным является восприятие Кавказа как особого историко-географического региона, и рассмотреть, как и почему в последние полтора века происходило формирование его границ.

Начнем с некоторых неточностей, допущенных Р. Топчишвили. В частности, при всей неоднократно подчеркивавшейся физико-географами условности и искусственности выбора природных рубежей в качестве границы между Европой и Азией, эта граница проводится обычно не по водоразделу Большого Кавказа, как он утверждает, а по Кумо-Маньчской впадине. Так говорится в учебниках по географии для средних школ (*Коринская и др.* 2000: 230) и университетов (*Власова* 1966: 9–10; *Мильков, Гвоздецкий* 1976: 345–346), а также во многих зарубежных справочниках (см., например: *Kuma-Manych Depression* 2012; *Sengor* 1997: 34). Поэтому, в частности, высочайшей вершиной Европы обычно считается г. Монблан (4807 м) в Альпах, а не Эльбрус (5642 м – западная вершина), так как весь Кавказ относится к Азии. (Подробнее об истории разграничения этих частей света, Европы и Азии и о том, как был формально решен в СССР вопрос о границе Европы и Азии на заседании Отделения школьной и физической географии Московского филиала Географического общества СССР 3 апреля 1958 г., см.: *Чибилев* 2012.)

Приводя цитату с развернутым описанием южной границы Кавказа, датированном 1924 г., Р. Топчишвили ошибочно полагает, что оно соответствует тогдашней южной границе СССР либо современных Грузии и Армении с Турцией. На самом деле речь там шла о северной границе Карсской области, существовавшей в пределах Российской империи, так что фигурирующие в том описании хребет Агрыдаг или г. Большой Арарат ныне полностью находятся на территории современной Турции, а не на ее границах. Также никак нельзя согласиться с Р. Топчишвили в том, что приемлемо отождествление горной части Северного Кавказа с Предкавказьем. Напротив, Предкавказье всегда понимается только как прикубанские и притерские равнины и Ставропольская возвышенность, лежащие к северу от хребтов Большого Кавказа. (См., например, о территориях Предкавказья, лежащих между горами Большого Кавказа и Кумо-Маньчской впадиной, а также о предпочтительности отнесения всего Кавказа к Азии: *Caucasus* 2012.)

Отмеченные выше частные ошибки или неточности инициатора этой важной дискуссии сочетаются с главным, на мой взгляд, недостатком его подхода – явной абсолютизацией физико-географического понимания Кавказа, что вряд ли оправдано. К тому

же его позицию характеризует недостаточное осознание того факта, что возможны и реально существуют принципиально разные трактовки того, что такое Кавказ, которые возникли и получили свое обоснование в рамках разных научных дисциплин. Эти трактовки, таким образом, предлагают различные основания для определения границ этого региона.

Так, справедливо полагая, что если Кавказ – “географический регион”, то его границы должны проводиться по “природно-географическим критериям”, а использование “политических” критериев для их обоснования является ошибкой, сам Р. Топчишвили считает почему-то возможным ввести еще и этнографические критерии для очерчивания территории Кавказа в пределах современной северо-восточной Турции с этнически грузинским (лазским) населением. Вместе с тем, говоря о территориях Кавказа в пределах северо-западного Ирана, этот автор оперирует уже только физико-географическими критериями и прямо отказывается, в отличие от предыдущего случая, обращать внимание на этнографический критерий, то есть на границы ареала расселения этнических азербайджанцев. Таким образом, налицо как двойные стандарты (без объяснений автор берет критерий расселения грузин как маркер границ Кавказа, но использует совсем другие критерии применительно к ареалу расселения азербайджанцев), так и нарушение установленного самим Р. Топчишвили верного правила – границы природно-географического региона должны определяться только по природно-географическим критериям.

Итак, рассмотрим, с каких именно позиций или же в рамках каких научных дисциплин и свойственных им методологических подходов можно попытаться описать, что такое Кавказ и каковы, следовательно, его территориальные пределы.

Прежде всего существует *историко-этнографическое понимание Кавказа*, то есть следует непременно вспомнить о концепции “историко-этнографической области” (или историко-культурной области). Она появилась в советской этнографии вместе и во взаимосвязи с концепцией хозяйственно-культурного типа, и изначально одним из примеров такого рода региона был назван Кавказ в составе двух взаимосвязанных областей – северокавказской и закавказской (Левин, Чебоксаров 1955: 14). Б.В. Андрианов также выделял “Кавказскую историко-этнографическую провинцию” в составе двух областей – северокавказской и закавказской, а также “Юго-западно-азиатскую (переднеазиатскую)” провинцию, включавшую в свой состав, в частности, “малоазиатскую” и “ирано-афганистанскую” историко-этнографические области (Андрианов 1995: 32). Данная точка зрения является довольно широко распространенной среди этнологов и вполне адекватной.

К сожалению, эта информация не дает нам сведений об историко-этнографических границах между Кавказом и Передней Азией, но указывает на факт их существенных различий. Ведь это – два разных и равнозначных по культурной специфике населяющих их народов историко-этнографических региона (будь то провинции или области – в данном случае иерархический уровень этой единицы историко-этнографического районирования для нас не важен). Если вспомнить, что один народ может входить только в одну историко-этнографическую область, и оценить исторические ареалы расселения и, главное, специфику традиционных культур талышей, азербайджанцев и армян, то придется сделать вывод, что территории расселения этих народов не относятся к Кавказу как историко-этнографическому региону. К такому же выводу мы придем, рассуждая “от противного”: ведь если бы эти народы в историко-этнографическом смысле действительно являлись “кавказскими”, то тогда пришлось бы отнести к Кавказу обширные территории иранского Азербайджана или исторической Западной Армении, что абсурдно. Ведь до геноцида сплошной ареал расселения армян доходил вплоть до центральных областей современной Турции (картосхему с численностью и долей армян в населении провинций Турции в 1914 г. см.: Саркисян 2012: 84; локализацию этнографических районов исторической Армении см. также: Наро-

ды Кавказа 1962: 440). Ареал расселения азербайджанцев в Иране распространяется южнее широты Тегерана и не доходит всего примерно 120 км до лежащей к востоку столицы Ирана (Народы России 1995).

Итак, представляется, что лишь исторические ареалы расселения грузин и горских народов Северного Кавказа формируют Кавказ как историко-этнографический регион, который при такой трактовке захватывает и прилегающие к Грузии и черноморскому побережью части современной Турции с этнически грузинским населением. Но при этом Кавказ не включает в себя современные Восточную Армению и Северный Азербайджан (кроме части северных районов последнего с населением из народов Дагестана). Важно только уточнить, что выделять историко-этнографические области следует не по современным реалиям в расселении, культуре или самосознании населения, а по особенностям традиционной культуры и расселения народов, сложившимся к моменту начала колониальной экспансии европейских держав. В случае Передней Азии и Кавказа речь должна идти о конце XVIII – начале XIX в.

Такого подхода отчасти придерживается Г.Е. Марков в написанных им главах учебника по этнологии – в обоих постсоветских его изданиях к народам Западной или Передней Азии относят армян и азербайджанцев (Марков 2007: 238–239, 251) и в одном из них – талышей (Марков 1994: 84–85). Впрочем, в тех же учебниках об этих же народах говорится, и гораздо подробнее, в главе по Кавказу как особому историко-этнографическому региону (Козлова 1994: 334–335) или в главе о государствах Закавказья (Арутюнов, Козлова 2007: 613–614). Таким образом, налицо путаница с границами Кавказа как историко-этнографического региона даже в учебниках. То же самое можно сказать и о справочно-энциклопедических историко-этнографических изданиях конца 1950-х – начала 1960-х гг. Армяне и азербайджанцы описываются там как в томе по Кавказу (Народы Кавказа 1962), так и в томе по Передней Азии, причем в последнем армяне, азербайджанцы и талыши однозначно характеризуются как переднеазиатские народы, и только о переселенцах–“черкесах” и местных грузинах-лазах в северо-восточной Турции сказано, что это “народы кавказского происхождения” (Народы Передней Азии 1957: 23–24).

С другой стороны, С.А. Арутюнов описывает армян, азербайджанцев и талышей как народы такой историко-этнографической области, как Кавказ. Но он отмечает, что некоторые ведущие культурные маркеры “кавказскости” в минимальной степени выражены именно у азербайджанцев и армян и вообще на юго-восточной окраине Кавказа, то есть у населения восточной части современного Закавказья (Арутюнов 2012: 34–35). Вероятно, в последнем случае выводы ведущего отечественного кавказоведа об историко-этнографических границах Кавказа отражают, скорее, изменения в культуре и самосознании той части армян и азербайджанцев, которая длительное время жила в Российской империи и СССР, а не исходные и более традиционные особенности этнических культур этих народов.

На это мнение С.А. Арутюнова и многих других его сторонников, видимо, влияет и “магия” топонима Малый Кавказ – трудно ведь не назвать “кавказским” народ, исторически живущий в том числе и на Кавказе, пусть и “малом”. Хотя в действительности термин “Малый Кавказ”, как и любое другое физико-географическое название, отражает лишь природные, а вовсе не историко-культурные или геополитические реалии. Как пример весьма существенных различий в локализации между физико-географическими и геополитическими объектами со сходными названиями приведу казус Нагорно-Карабахской автономной области (НКАО) в границах на 1987 г. (до начала конфликта), занимавшей тогда часть горной территории исторического Карабаха. Несмотря на свое официальное наименование, из двух географических объектов с названиями, производными от термина “Карабах”, НКАО включала лишь часть Карабахского хребта, западные склоны которого относились уже к Кельбаджарскому и Лачинскому районам собственно Азербайджана. Карабахское нагорье целиком входило в указанные районы

Азербайджана и в пограничные районы Армении, вообще не заходя в пределы НКАО. С другой стороны, территория НКАО охватывала также часть Муровдагского хребта и прилегающие к горам районы Куро-Араксинской низменности.

**Физико-географическое понимание Кавказа** получило, на мой взгляд, непропорционально большое отражение в работе Р. Топчишвили. К тому же он оперирует им одновременно с геополитическими или этнографическими трактовками этого феномена, не проводя должных разграничений между ними, что представляется ошибочным. Однако надо остановиться, естественно, и на трактовке Кавказа как физико-географического явления.

Отечественная физическая география выделяет “страны” как основные единицы районирования материков по комплексу природных особенностей, от геологической истории и современного рельефа до климата, почв и естественной растительности. На интересующих нас территориях первоначально выделялась “Крымско-Кавказская горная страна”, частями которой являются только горы Большого Кавказа и равнины и возвышенности Закавказья; при этом Малый Кавказ и небольшая советская часть Армянского нагорья были отнесены к другой физико-географической стране – “Малоазиатским нагорьям”; Талышские горы относили к стране “Иранское нагорье”; равнины и возвышенности Предкавказья попали в страну “Восточно-Европейская равнина” (Естественноисторическое районирование 1947: 155, 179, 182). Во многом эти же решения были воспроизведены в Физико-географическом атласе мира, классическом фундаментальном произведении советской физической географии. Там, в разделе “Физико-географическое районирование”, тоже были выделены следующие “природные страны”: Крымско-Кавказская (включает только Большой Кавказ и равнины Закавказья); Переднеазиатские нагорья (включает Армянское нагорье и Малый Кавказ как его окраинную часть, отдельно – Талышские горы); Восточно-Европейская равнина (прикубанские и притерские степи и Ставропольская возвышенность) (ФГАМ 1964: 247–250). То же самое деление на физико-географические страны было недавно воспроизведено и для территории Российской Федерации (Национальный атлас 2007: 402–403), а включение Талышских гор как области в состав страны “Армянское нагорье” повторилось и в университетском учебнике (Физическая география материков 1988: 180–181, 204–205).

Таким образом, в физической географии нет единого Кавказа, а есть несколько разных природных стран, часть которых в основном занимает территории соседних государств и лишь своими окраинами заходит в пределы СССР или современных закавказских государств. Кстати, Р. Топчишвили серьезно ошибается, считая, что отечественные географы проводят южную границу Кавказа по государственной границе СССР. С позиций физической географии даже южная граница собственно Кавказа (то есть гор Большого Кавказа и равнин Закавказья) тоже не совпадает, например, с южной границей Азербайджана, так как “природная провинция Куринская низменность” распространяется на юг до подножия хребта Карадаг, целиком лежащего в пределах Ирана (иранского Азербайджана) и являющегося связующим звеном между хребтами Малого Кавказа и Талышских гор (ФГАМ 1964: 247). Впрочем, даже в общедоступном справочнике сказано, что часть территории Кавказа заходит “на восток Турции и на северо-запад Ирана” (Кавказ 1997: 474). С позиций физической географии нельзя согласиться с Р. Топчишвили и в том, что часть Понтийских гор относится к Кавказу – нет, все Понтийские горы целиком составляют физико-географическую область, являющуюся северной окраиной страны “Малоазиатское нагорье”, тогда как хребты Малого Кавказа – это часть совсем другой страны, “Армянского нагорья” (Алексеева 2000: 97, 99, 296–297, 300–301).

Однако и в физической географии существуют вариации в трактовке территории и границ Кавказа. В первую очередь здесь стоит упомянуть точку зрения одного из ведущих географов-кавказоведов Н.А. Гвоздецкого, который рассматривал Кавказ не-

сколько иначе, то есть как группу тесно связанных друг с другом физико-географических областей (обычно области выделяют в составе физико-географических стран). Он выделил такие области, как Предкавказье, Большой Кавказ, равнины Закавказья, Малый Кавказ, Талышские горы и Ленкоранская низменность (часть Гирканской области, находящейся в основном в Иране), Джавахетско-Армянское нагорье (часть области Армянского нагорья, расположенной в основном в Турции). Первоначально эта позиция была обозначена в авторской монографии (*Гвоздецкий* 1963), а потом легла в основу написанной им части учебника для университетов (*Мильков, Гвоздецкий* 1976: 366–367).

Политико-географическое, или *геополитическое понимание Кавказа* отличается наибольшей ясностью и простотой, ибо основано на вполне определенных принципах – государственных и административных границах, которыми и определяется его территория. В этом отношении Кавказ как особый геополитический регион состоит из государств Закавказья, или Южного Кавказа – Грузии, Армении, Азербайджана, а также непризнанного государства Нагорного Карабаха, фактическую роль которого в политических процессах в регионе трудно переоценить. Другая часть Кавказа, то есть Северный Кавказ, включает в себя республики и края Российской Федерации (Дагестан, Чечню, Ингушетию, Северную Осетию, Кабардино-Балкарию, Карачаево-Черкесию, Адыгею, Ставропольский край, Краснодарский край). Именно к Северному Кавказу тяготеют еще два частично признанных государства – Абхазия и Южная Осетия, хотя они и расположены в Закавказье. Разумеется, наличие Северо-Кавказского федерального округа, не включившего в свой состав Адыгею и Краснодарский край, не может служить основанием для того, чтобы не считать эти республику и край частями Кавказа. В геополитическом смысле как Адыгея, так и Краснодарский край, несомненно, относятся к Северному Кавказу, и они очень тесно связаны с соседними краями, республиками и государствами, а потому социально-политическая обстановка в них во многом зависит от процессов, идущих у соседей. Примерно так, кстати, определяются границы Кавказа и в двух недавно изданных атласах – во французском “Геополитическом атласе Кавказа” Ж. Радвани и Н. Беручашвили (цит. по: *Бабич и др.* 2011: 167) и в отечественном “этнополитическом” атласе (*Цуциев* 2007).

С главным предложением Р. Топчишвили о выделении так называемого “Южного Кавказа” в составе северо-восточной части Турции (якобы “Юго-Запад Южного Кавказа”) и северо-западной части Ирана (якобы “Юго-Восток Южного Кавказа”) соглашаться никак нельзя. С научной точки зрения, здесь, во-первых, не выполнены условия однородности критериев районирования (остальные части Кавказа выделяются по государственным или административным либо физико-географическим границам, а эти – по этнографическому в случае части Турции и якобы физико-географическому в отношении части Ирана). Во-вторых, сложно согласиться с самим подходом Р. Топчишвили к географии, на основе которого он приходит в том числе и к данному предложению – в физической географии территории делятся не по водоразделам хребтов и речным бассейнам, а прежде всего по странам и слагающим их областям. Так что, например, “Северный Кавказ” не физико-географическое понятие, а геополитическое, экономико-географическое или историко-этнографическое, ведь в собственно физической географии выделяется “Большой Кавказ” как горная система безотносительно границ занимающих его постсоветских государств или республик и краев России. Аналогичным образом, выделенный Р. Топчишвили “Юго-Восток Южного Кавказа” (в пределах иранского Азербайджана) в действительности не имеет физико-географического обоснования, так как искусственно объединяет заходящую в пределы Ирана окраинную часть Куро-Араксинской низменности (из страны “Кавказ”) и хребты, окаймляющие Армянское нагорье (из страны “Армянское нагорье”, а частью и из соседней страны “Иранское нагорье”).

Кроме того, это предложение Р. Топчишвили крайне невыгодно для России в политическом плане. Ведь до сих пор общераспространенным является представление, что государствами Кавказа являются только закавказские государства и Российская Федерация вследствие наличия в ней республик и краев Северного Кавказа. Турция и Иран представляют собой всего лишь соседние с Кавказом государства, которые, однако, исторически очень тесно связаны с ним и потому имеют в регионе свои законные интересы. Предложение же Р. Топчишвили превращает Турцию и Иран в собственно кавказские государства, резко повышая их формальный статус и возможные претензии в кавказской политике, что потенциально только еще больше осложнит и без того крайне проблемную геополитическую ситуацию на Кавказе.

Наконец, существует и еще один подход к обсуждаемой проблеме: *Кавказ как историко-географический регион*, характеризующийся не только природными особенностями территории или политико-административными границами, но и историей заселения, особенностями формирования современного населения, сохраняющейся в общественном сознании народов памятью о былых войнах и установлении либо утрате политического господства крупных держав над частями территории и народами Кавказа. Однако главное в таком понимании Кавказа – образ этого региона в общественном сознании как его жителей, так и населения сопредельных или даже отдаленных территорий.

Строго говоря, в данном контексте речь правильнее было бы вести о Кавказе как культурно-географическом регионе. Но я боюсь, что в нашей стране культурная география, при всех беспрецедентных успехах ее развития в последние десятилетия, остается все еще не очень хорошо понятой неспециалистами. К тому же однозначно и четко объяснить, что такое “культурно-географический регион” и как именно выделять такие регионы и определять их границы, далеко не просто даже экспертам в этой области (об этом см., например: Митин 2012; Стрелецкий 2012). Кстати говоря, относительно недавний опыт “культурно-ландшафтного районирования территории России” применительно к Северному Кавказу оказался, мягко говоря, весьма неудачным. Так, совершенно не понятно, зачем надо было в рамках якобы культурно-географического подхода выделять “многонациональную Северо-Кавказскую область” только в составе и по границам республик Северного Кавказа, да еще и объединив их с Калмыкией в указанную единую область (Национальный атлас 2008: 226–227). Не ясно, чем именно такой подход отличается по своим результатам от обычного политико-географического определения общей территории северо-кавказских республик (естественно, без Калмыкии) по их границам как некой геополитической реальности.

Правда, в рамках культурной географии уже появился вполне успешный пример районирования российской части Северного Кавказа и Предкавказья (Лысенко 2012: 20–21), но и в данном случае со многими методологическими и терминологическими положениями автора можно и нужно спорить. Однако при выборе данного термина гораздо важнее другое соображение – в подобном понимании Кавказа огромную роль играют социально-исторические процессы, и под их воздействием образ Кавказа меняется буквально на наших глазах, так что желательно отразить именно “историчность” данного подхода в самом обозначении региона (об исторической географии и соответствующем направлении районирования см., например: Стрелецкий 2007).

Итак, Кавказ как историко-географическое явление в русском общественном сознании отражает прежде всего историю установления связей России с этой территорией и ее народами. Отсюда идет легшее в основу восприятия Кавказа трехчленное деление последовательно осваивавшегося или завоевывавшегося жителями Восточно-Европейской равнины пространства на Предкавказье, Кавказ, Закавказье (аналогичная модель дифференциации осваивавшейся русскими территории и формирования наименований ее частей – Приуралье, Урал, Зауралье; близко к этому – Прибайка-

лье и Забайкалье). В данном случае физическая география или этнография отступают на задний план, а главным фактором служит положение территорий по отношению к Большому Кавказу, первоначально выступавшему как мощное горное препятствие для транспортных коммуникаций с лежащими далее к югу землями, а впоследствии еще и как ареал долгих и кровопролитных войн с горцами.

Таким образом, Большой Кавказ продолжительное время выступал одновременно как барьер физико-географический и барьер социально-политический на пути экспансии Российской империи, и потому он является ядром Кавказа в подобной трактовке. При таком подходе не существенно, что по своей традиционной культуре народы Предкавказья (степные ногайцы и ставропольские туркмены) не относятся к собственно “кавказским народам”, а природа кубанских или терских степей имеет мало общего с природой горных районов Большого Кавказа. Главное свойство Предкавказья – то, что за ним лежит Кавказ. Соответственно, легко провести границу между Предкавказьем и Кавказом – по подножию гор (что точно совпадает с физико-географическим рубежом), ну а северная граница Предкавказья в данном контексте не требует особой точности и потому может определяться как по политико-географическим рубежам (границам республик и краев Северного Кавказа), так и по физико-географической границе – Кумо-Маньчской впадине.

Аналогично и Закавказье определяется как пространство “за Кавказом”, то есть то, что уже явно не Кавказ и начинается сразу после спуска с гор и окончательного преодоления барьера Большого Кавказа. Южная же граница Закавказья вновь не является релевантной для общественного мнения и потому чаще всего воспринимается как совпадающая с южными пределами “наших земель”, то есть с государственной границей Российской империи или СССР, а теперь, в силу исторической инерции, – с границами закавказских государств с Турцией и Ираном. Естественно, на многих своих отрезках эти границы не совпадают ни с этнографическими, ни с физико-географическими рубежами, ибо формирование границ отразило военно-политическую обстановку в Закавказье XIX в. и только. Повторюсь, для образа Кавказа в целом или Закавказья как его части не столь уж важно, что в физико-географическом или этнографическом отношении он фактически протягивается в ряде случаев далее к югу, в пределы Ирана и Турции.

Думаю, что в большинстве случаев, когда мы встречаем понятие “Кавказ”, речь идет именно об историко-географическом феномене, и потому для определения его пространственных пределов не стоит углубляться в вопросы физической географии или этнографии, как это сделал Р. Топчишвили.

Предположение о том, что Кавказ является, в частности, историко-географическим феноменом, существующим в том числе в общественном сознании россиян и жителей других постсоветских государств, – это не просто констатация некоего факта, но и обозначение фактора, имеющего весьма важные социально-политические следствия. Укрепившееся в общественном сознании русскоязычного населения Российской империи, а потом и СССР представление о том, что Кавказ – сложный регион, включающий в свой состав и Закавказье, стало мощным фактором формирования территориальной кавказской идентичности у жителей губерний и округов, а потом республик Закавказья. Вероятно, эта первоначально навязываемая извне территориальная идентичность в течение имперского и, в основном, уже советского периода истории постепенно превратила армян и азербайджанцев Закавказья в “кавказцев”<sup>1</sup>. Однако этот процесс не затронул армян исторической Западной Армении или диаспоры и азербайджанцев иранского Азербайджана.

В постсоветскую эпоху ситуация изменилась в сторону дальнейшего и весьма резкого усиления навязывания “кавказской идентичности” армянам и азербайджанцам Закавказья. Так, с обсуждаемой точки зрения замена географического понятия “За-



кавказье” на “Южный Кавказ” в этих государствах никаких изменений не принесла – территориальная кавказская идентичность продолжает столь же успешно укрепляться и при новой терминологии. Но вот массовые миграции в Россию на фоне взрывного роста кавказофобии в принимающей стране добавили еще один мощнейший фактор формирования навязываемой извне кавказской идентичности у народов Восточного Закавказья: расизм в России стал причиной актуализации этнорасовой идентичности “кавказцев” как типичных южных европеоидов. Если с физико-антропологической точки зрения человек выглядит как “кавказец”, то он не только определяется другими как представитель народов Кавказа, но и сам во все большей степени начинает воспринимать себя таковым, или “лицом кавказской национальности” (последнее – явно расистское определение, а вовсе не этическое или “национальное”), благодаря уже имеющейся соответствующей территориальной идентичности.

Итак, складывающаяся уже без малого два столетия территориальная кавказская идентичность, к которой в последние два-три десятилетия прибавились еще и интенсивные процессы формирования этнорасовой кавказской идентичности, в итоге создали из армян и азербайджанцев на постсоветском пространстве “народы Кавказа”, и это стало социальной реальностью. Для армян, переживших геноцид 1915–1919 гг. и территориально сокративших ареал компактного расселения до нынешних Республики Армении и Нагорно-Карабахской республики, превращение в органичную часть Кавказа как историко-географического региона практически завершилось и, видимо, стало уже необратимым. С азербайджанцами сложнее – в иранском Азербайджане таких процессов нет, и эта формирующаяся и укрепляющаяся кавказская идентичность постсоветских азербайджанцев создает серьезный социокультурный разграничитель между ними и иранскими азербайджанцами. С учетом выраженной политической и культурной ориентации Азербайджана на Турцию и сохранения светского характера государства и общественной жизни в этом государстве можно говорить о нарастающих культурных различиях между двумя территориальными группами азербайджанцев, что, по крайней мере, потенциально, при условии дальнейшего сохранения сегодняшних тенденций, может даже привести к образованию на их основе пусть и близких, но все же разных этнических общностей (ср., например, австрийцы и немцы, фламандцы и голландцы, румыны и молдаване, и т.п.).

Итак, Кавказ как историко-географический регион сформировался в своих нынешних пределах в результате экспансии Российской империи и достаточно долгого, по человеческим меркам, существования Советского Союза со свойственными этим государствам особенностями определения и наименования территорий, периферийных по отношению к русскому ядру государства. Но появление этого региона, первоначально лишь в русском общественном сознании, а потом и в административной практике царских и советских властей, то есть через создание и распространение соответствующих топонимов посредством системы образования и СМИ, вызвало формирование кавказской идентичности у этнических групп, ранее ее не имевших либо имевших в очень слабой форме. Ныне мы видим завершение исторического процесса превращения жителей Восточного Закавказья в “кавказцев” по самоощущению, так что формирование Кавказа как историко-географического региона в составе государств Закавказья и республик и краев Северного Кавказа фактически состоялось. Правда, у русского и другого “некавказского” по происхождению населения краев и республик Северного Кавказа этот процесс обретения кавказской территориальной идентичности не зашел особенно далеко, если не считать отдельные группы казачества, но и в этой среде элементы такой кавказской идентичности тоже уже имеют место.

Однако Кавказ, как и большинство других регионов мира, может пониматься не только в подобном историко-географическом плане, но и как физико-географический, геополитический или историко-этнографический регион. При решении разных

исследовательских задач продуктивнее использовать различные понимания региона, но главное условие – не смешивать эти принципиально разные трактовки явления, имеющего внешне одно и то же название, за которым, однако, могут скрываться существенно разные содержание, критерии выделения и, следовательно, параметры определения территориальных границ.

### Примечание

<sup>1</sup> Дней через 10 после сдачи в редакцию первого варианта этого текста я получил неожиданное подтверждение данного тезиса в интервью Мишеля Леграна, известного французского музыканта армянского происхождения, который поддерживает связи с Арменией и является активным деятелем армянской диаспоры. Он заявил, что в составе СССР армяне подверглись “кавказизации”, и, судя по контексту, оценил это явление негативно, как фактор изменения традиционной культуры и идентичности этой части армянского народа (Реквием Армении 2012).

### Литература

- Алексеева 2000 – Алексеева Н.Н. Современные ландшафты зарубежной Азии. М.: ГЕОС, 2000.
- Андреанов 1995 – Андреанов Б.В. Историко-этнографическая область // Этнические и этносоциальные категории: Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 6 / Отв. ред. В.И. Козлов. М.: ИЭА РАН, 1995. С. 31–33.
- Арутюнов 2012 – Арутюнов С.А. Силуэты этничности на цивилизационном фоне. М.: ИНФРА-М, 2012.
- Арутюнов, Козлова 2007 – Арутюнов С.А., Козлова К.И. Страны и народы Закавказья // Основы этнологии: Учебное пособие / Ред. В.В. Пименов. М.: Изд-во МГУ, 2007. С. 613–638.
- Бабич и др. 2011 – Бабич И.Л., Караваяев А.В., Трофимова Г.Т., Халатаев В.Ю. Рец. на: J. Radvanyi, N. Beroutchachvili. Atlas geopolitique du Caucase. Russie, Georgie, Armenie, Azerbaïdjan: un avenir commun possible? P.: Editions Autrement, 2009, 2010. 80 p. // Этнограф. обозрение. 2011. № 2. С. 165–169.
- Власова 1966 – Власова Т.В. Физическая география частей света. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Просвещение, 1966.
- Гвоздецкий 1963 – Гвоздецкий Н.А. Кавказ: очерк природы. М.: Географгиз, 1963.
- Естественноисторическое районирование 1947 – Естественноисторическое районирование СССР / Отв. ред. Д.Г. Виленский. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947.
- Кавказ 1997 – Кавказ // Большой энциклопедический словарь. 2-е изд. / Гл. ред. А.М. Прохоров. М.: Научное издательство “Большая Российская энциклопедия”, 1997. С. 474.
- Козлова 1994 – Козлова К.И. Народы Кавказа // Этнология. Учебник. Для высших учебных заведений. М.: Наука, 1994. С. 333–345.
- Коринская и др. 2000 – Коринская В.А., Душина И.В., Щенев В.А. География материков и океанов. 7 кл.: Учеб. для общеобразоват. учеб. заведений. 7-е изд. М.: Дрофа, 2000.
- Левин, Чебоксаров 1955 – Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (к постановке проблемы) // Советская этнография. 1955. № 4. С. 3–17.
- Лысенко 2012 – Лысенко А.В. Культурно-ландшафтное районирование Северного Кавказа: принципы и таксономическая система // Вопросы географии и краеведения: Материалы 5-й конференции членов Российского географического общества Ставропольского отдела. Вып. 5. Ставрополь, 2012. С. 13–22.
- Марков 1994 – Марков Г.Е. Народы Западной Азии // Этнология. Учебник. Для высших учебных заведений. М.: Наука, 1994. С. 81–97.
- Марков 2007 – Марков Г.Е. Этноссы Западной Азии // Основы этнологии: Учебное пособие / Ред. В.В. Пименов. М., 2007. С. 236–256.
- Мильков, Гвоздецкий 1976 – Мильков Ф.Н., Гвоздецкий Н.А. Физическая география СССР. Общ. обзор. Европейская часть СССР. Кавказ. Изд. 4-е, испр. и доп. М.: Мысль, 1976.
- Митин 2012 – Митин И.И. На пути к региональной культурной географии: опыт англо-американских географов XX века // Псковский регионалистический журнал. 2012. № 13. С. 3–11.
- Народы Кавказа 1962 – Народы Кавказа. Т. 2 / Ред.: Б.А. Гарданов, А.Н. Гулиев, С.Т. Еремян, Л.И. Лавров, Г.А. Нерсесов, Г.С. Читая. М., 1962.

- Народы Передней Азии 1957 – Народы Передней Азии. Ред.: Н.А. Кисляков, А.И. Першиц. М., 1957.
- Народы России 1995 – Народы России и сопредельных стран. (Карта. М 1:4 000 000). Руководитель авторского коллектива П.И. Пучков. М., 1995.
- Национальный атлас 2007 – Национальный атлас России. Т. 2. Природа. Экология. М.: Федеральное агентство геодезии и картографии, 2007.
- Национальный атлас 2008 – Национальный атлас России. Т. 4. История. Культура. М.: Федеральное агентство геодезии и картографии, 2008.
- Реквием Армении 2012 – “Реквием Армении” от Мишеля Леграна: часть армян пострадала от османов, другая подверглась кавказизации // Информационное агентство REGNUM, 21.12.2012 г.: <http://regnum.ru/news/polit/1607233.html> – обращение 23.12.2012 г.
- Саркисян 2012 – Саркисян Г.Г. Динамика численности и расселения армян в XIX – начале XX века // Армяне / Отв. ред.: Л.М. Варданян, Г.Г. Саркисян, А.Е. Тер-Саркисянц. М.: Наука, 2012. С. 81–96.
- Стрелецкий 2007 – Стрелецкий В.Н. Историческая география и регионалистика: пути и перспективы взаимодействия // Псковский регионологический журнал. 2007. № 5. С. 3–13.
- Стрелецкий 2012 – Стрелецкий В.Н. Культурный регионализм: сущность понятия, проблемы изучения и система индикаторов // Псковский регионологический журнал. 2012. № 14. С. 9–21.
- ФГАМ 1964 – Физико-географический атлас мира. М.: ГУГК, 1964.
- Физическая география материков 1988 – Физическая география материков и океанов: Учеб. для геогр. спец. ун-тов / Ред. А.М. Рябчиков. М.: Высшая школа, 1986.
- Цуциев 2007 – Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа: 1774–2004. М.: изд. “Европа”, 2007. 128 с. (см. на сайте “Iriston.com – история и культура Осетии”: [http://www.iriston.com/books/cuciev\\_-\\_etno\\_atlas/cuciev\\_etno-polit\\_map.htm](http://www.iriston.com/books/cuciev_-_etno_atlas/cuciev_etno-polit_map.htm) – обращение 23.12.2012 г.)
- Чибилев 2012 – Чибилев А.А. Евро-Азиатская граница: история вопроса и современные представления. Феномен Евразии: две части света на одном материке // Русское географическое общество: <http://www.rgo.ru/2011/02/evro-aziatskaya-granica-istoriya-voprosa-i-sovremennye-predstavleniya/> – обращение 23.12.2012 г.
- Caucasus 2012 – Caucasus // Encyclopædia Britannica, Inc.: <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/100270/Caucasus> – обращение 23.12.2012 г.
- Kuma-Manych Depression 2012 – Kuma-Manych Depression // Encyclopædia Britannica, Inc.: <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/324715/Kuma-Manych-Depression> – обращение 23.12.2012 г.
- Sengor A.M.C. 1997 – Sengor A.M.C. Asia // Encyclopedia of European and Asian Regional Geology / Eds. E.M. Moores, R.W. Fairbridge. L.: Springer, 1997. P. 34–51.

## A.N. Yamskov. On the Caucasus and Its Boundaries

*Keywords:* Caucasus, spatial boundaries, peoples of Caucasus, territorial identity, historical-ethnographic area, physical-geographical country, geopolitical region, historical-geographical region, cultural-geographical region

The author successively discusses a variety of existing interpretations of the Caucasus as a historical-ethnographic area, as a number of neighboring physical-geographical areas and their parts (related furthermore to different natural countries), as a geopolitical region, and as a historical-geographical (or cultural-geographical) region; as well as corresponding essentially different foundations for the definition of its spatial boundaries. The most common is the historical-geographical understanding of the Caucasus and its boundaries, which had originated in the period of Russian empire's territorial formation and was further fixed in the social consciousness during the Soviet and post-Soviet periods. This notion of the Caucasus and its boundaries has shaped the Caucasian territorial identity among the part of Armenians and Azerbaijanis residing within the limits of states of the South Caucasus.